

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Алексей Толстой

Баллады

Художник Михаил Иванов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2004

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралась три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гусях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

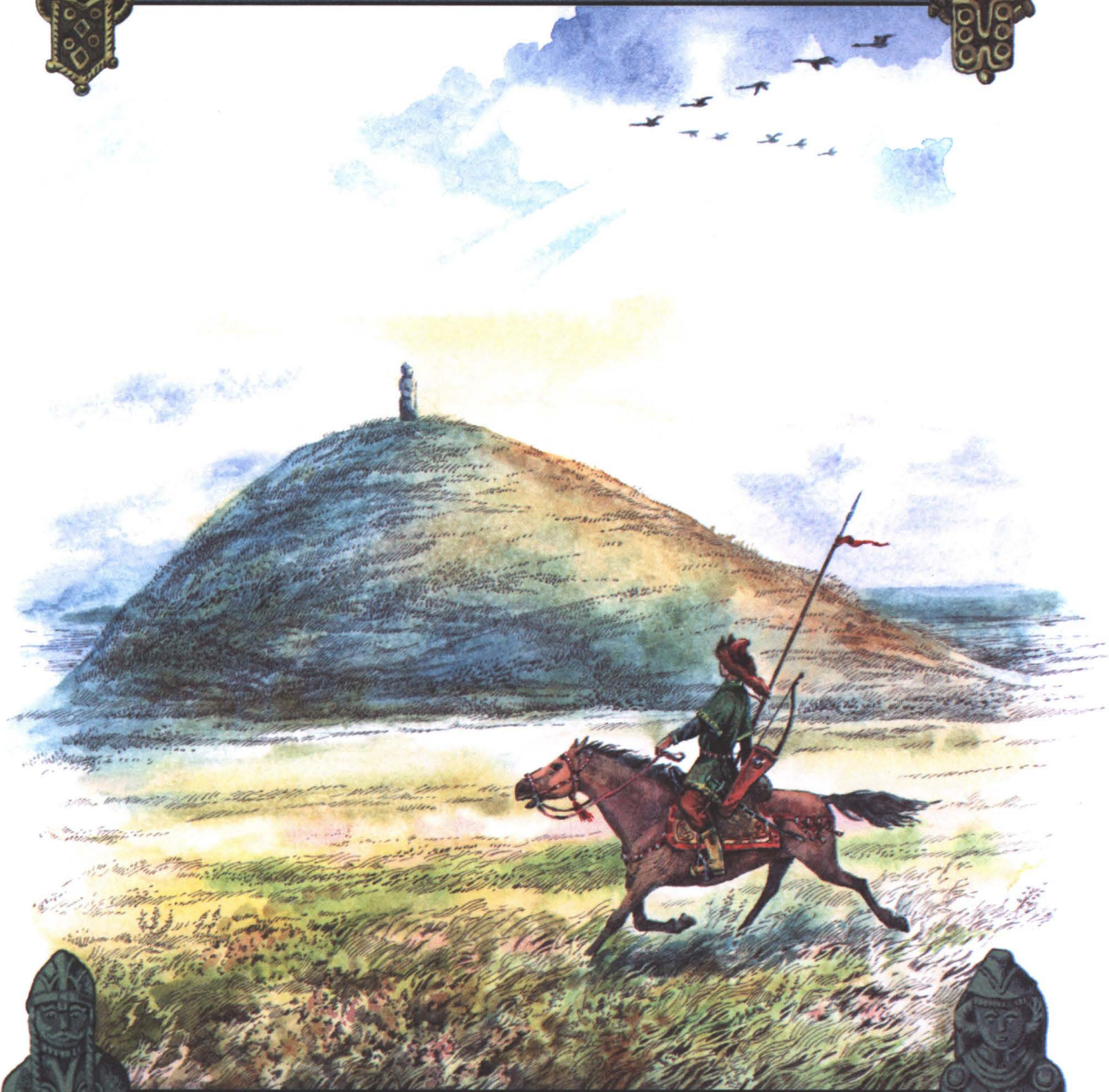
Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах...

1840-е годы

Стрелок, на той поляне
Кто поздно так бежит?
Что там в ночном тумане
Клубится и кипит?
Что значит это пенье,
И струн в эфире звон,
И хохот, и смятенье,
И блеск со всех сторон?

— Друзья, то вереница
Волшебниц и сильфид;
Пред ними их царица
Воздушная бежит;
Бежит глухой дорожкой,
Мелькает вдоль реки, —
Под маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нет красавиц равных,
Ее чудесен вид,
И много бардов славных
Любовью к ней горит;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Когда луна золотая
Глядит в зеркало вод,
В лучах ее играя,
Как сон она плывет;
Наступит ли денница,
Она спешит уж прочь;
Пушок — ей колесница,
Ее отчизна — ночь.

Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,

Зовет его и манит
К себе издалика;
Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет.

Сильфид она всех краше,
Волшебниц всех милей;
Седые барды наши
Горят любовью к ней;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же
Пока не проснулась мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий.
Какое песчаное дно!»

1840-е годы

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.

Слово о полку Игореве

Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.

Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет!

В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют;
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.

Когда же на́ берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Яресь, Перун гремит,

Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.

Жену младую он зовет —
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.

Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.

Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.

И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е годы

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?»

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут — полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь,
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Май 1871 г.

НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

Поляки ночью темною
Пред самым Покровом,
С дружиною наемною
Сидят перед огнем.

Исполнены отвагою,
Поляки крутят ус,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И с польскою державою
Пришли из разных стран,
Пришли войной неправою
Враги на россиян.

Тут во́лохи усатые,
И угры в чекменях,
Цыгане бородатые
В косматых кожных...

Валя толпою пегою,
Пришла за ратью рать,
С Лисовским и с Сапегою
Престол наш воевать.

И вот, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкруг яркого огня

С ухватками удалыми
Несутся их ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричат, поют жида.

Брянчат цыганки бубнами,
Наездники шумят,
Делами душегубными
Грозит их ярый взгляд.

И все стучат стаканами:
«Да здравствует Литва!»
Так возгласами пьяными
Встречают Покрова.

А там, едва заметная,
Меж сосен и дубов,
Во мгле стоит заветная
Обитель чернецов.

Монахи с верой пламенной
Во тьму вперили взор,
Вокруг твердыни каменной
Ведут ночной дозор.

Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.

Священное их пение
Вторит высокий храм,
Железное терпение
На диво их врагам.

Не раз они пред битвою,
Презрев ночной покой,
Смиренною молитвою
Встречали день златой;

Не раз, сверкая взорами,
Они в глубокий ров
Сбивали шестопёрами
Литовских удалцов.

Ни на день в их обители
Глас Божий не затих,
Блаженные святители,
В окладах золотых,

Глядят на них с любовью,
Святых ликует хор:
Они своею кровию
Литве дадут отпор!

Но чу! Там пушка грянула,
Во тьме огонь блеснул,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гул!..

Молитесь Богу, братия!
Начнется скоро бой!
Я слышу их проклятия,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идут они вдали,
Приляжем за бойницами,
Раздуем фитили!..

1840-е годы

 РУГЕВИТ

1

Над древними подъямся дубами,
Он остров наш от недругов стерег;
В войну и мир равно честимый нами,
Он зорко вокруг глядел семью главами,
Наш Ругевит, непобедимый бог.

2

Курился дым ему от благовоний,
Его алтарь был зеленью обвит,
И много раз на кучах вражьих броней
У ног своих закланых видел доней
Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

3

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча:
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

4

И мнили мы: «Жрецы твердят не даром,
Что если враг поперет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог».

Так мнили мы, — но роковая сила
 Уж обрекла нас участи иной;
 Мы помним день: заря едва всходила,
 Нежданные к нам близились ветрила,
 Могучий враг на Ругу шел войной.

То русского шел правнук Мономаха,
 Владимир шел в главе своих дружин,
 На ругичан он первый шел без страха,
 Король Владимир, правнук Мономаха,
 Варягов князь и доней властелин.

Мы помним бой, где мы не устояли,
 Где Яромир Владимиром разбит;
 Мы помним день, где наши боги пали,
 И затрещал под звоном вражьей стали,
 И рухнулся на землю Ругевит.

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
 Дубовый вес стащить едва могли;
 Рога склонив, дымяся от натугу,
 Под свист бичей они его по лугу
 При громких криках доней волокли.

И на него взошел с крестом в деснице,
 Держась за свой вонзенный в бога меч,
 Епископ Свен, как вождь на колеснице,
 Так от ворот разрушенной божницы
 До волн морских себя заставил влечь.

И к берегу, рыдая, все бежали,
 Мужи и старцы, женщины с детьми;
 Был вой кругом. В неслыханной печали:
 «Встань, Ругевит! — мы вслед ему
кричали, —
 Воспрянь, наш бог, и доней разгрови!»

Но он не встал. Где об утес громадный
 Дробясь, кипит и пенится прибой,
 Он с крутизны низвергнут беспощадно;
 Всплеснув, валы его схватили жадно
 И унесли, крутя перед собой.

Так поплыл прочь от нашего он края
 И отомстить врагам своим не мог.
 Дивились мы, друг друга вопрошая:
 «Где ж мощь его? Где власть его святая?
 Наш Ругевит ужели был не бог?»

И, пробудясь от первого испугу,
 Мы не нашли былой к нему любви
 И разошлись в раздумии по лугу,
 Сказав: «Плыви, в беде не спасший
Ругу,
 Дубовый бог, плыви себе, плыви!»

Лето 1870 г.

ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

1

Гаральд в боевое садится седло,
Покинул он Киев державный,
Вздыхает дорогою он тяжело:
«Звезда ты моя, Ярославна!

2

Надежд навсегда миновала пора!
Твой слышал, княжна, приговор я!
Узнают же вес моего топора
От края до края поморя!»

3

И Русь оставляет Гаральд за собой.
Плывет он размыкивать горе
Туда, где арабы с норманнами бой
Ведут на земле и на море.

4

В Мессине он им показал свой напор,
Он рубит их в битве неравной
И громко взывает, подъявля топор:
«Звезда ты моя, Ярославна!»

5

Дает себя знать он и грекам в бою,
И Генуи выходцам вольным,
Он на море бьется, ладья о ладью,
Но мысль его в Киеве стольном.

6

Летает он по морю сизым орлом,
Он чайкою в бурях пирует.
Трещат корабли под его топором —
По Киеву сердце тоскует.

7

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной —
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

8

Нет, видно ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

9

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной —
«Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?»

10

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

11

«Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!»

12

«Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный;
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

13

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!

14

Ко древним Афинам, как ворон, молва
Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
Мечом я насекаю мое имя!

15

Прибрежья, где черный мой стяг
прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

16

Как вихорь обмел я окраины морей,
Нигде моей славе нет равной!
Согласна ли ныне назваться моей,
Звезда ты моя, Ярославна?»

17

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

18

Цветами его корабли обвиты.
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты
И с черными вранами стяги.

19

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещие скальды
И славят на арфах, один за другим
Возврат удалого Гаральда.

20

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех
королем,
Сидит на возвышенном троне.

21

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно:
В царьградском наряде, в короне златой,
С ним рядом сидит Ярославна.

22

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,
С любовью в сияющем взоре:
«Все, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,

23

Цветами убранные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И всё, чем владею я ныне,

24

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, —
Все то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!»

Январь — февраль 1869 г.

ТРИ ПОБОИЩА

1

Ярились под Киевом волны Днепра,
За тучами тучи летели,
Гроза бушевала всю ночь до утра —
Княгиня вскочила с постели;

2

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
«Мне, княже, недоброе снилось!

3

Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4

То сват наш Гаральд собирается плыть —
Храни его Бог от напасти! —
Мне виделось: воронов черная нить
Уселась с криком на снасти.

5

И бабище будто на камне сидит,
Считает суда и смеется:
«Плывите, плывите! — она говорит, —
Домой ни одно не вернется!

6

Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец-Гаральд, его тезка;
Червонного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!»

7

И дале мне снилось: у берега там,
У норской у пристани главной,
Сидит, волосы раскидав по плечам,
Золовка сидит Ярославна.

8

Глядит, как уходят в туман паруса
С Гаральдовой силою ратной,
И плачет, и рвет на себе волоса,
И кличет Гаральда обратно...

9

Проснулася я — и доселе вдали
Все карканье воронов внемлю —
Прошу тебя, княже, скорее пошли
Проведать в ту норскую землю!»

10

И только княгиня домолвила речь,
Невестка их, Гида, вбежала;
Жемчужная бармица падает с плеч,
Забыла надеть покрывало.

11

«Князь-батюшка-деверь, испугана я,
Когда бы беды не случилось!
Княгиня-невестушка, лебедь моя,
Мне ночесь недоброе снилось!

12

Мне снилось: от берега франкской земли,
Где плещут нормандские волны,
На саксов готовятся плыть корабли.
Нормандии рыцарей полны.

13

То князь их Вильгельм собирается плыть —
Я будто слова его внемлю, —
Он хочет отца моего погубить,
Присвоить себе его землю!

14

И бабище злое бодрит его рать,
И молвит: «Я воронов стаю
Прикликаю саксов заутра клевать,
И ветру я вам намахаю!»

15

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда —
И тут я в испуге проснулась».

16

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаясь, гриден:
«Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам враг под Киевом виден!

17

На вышке я там, за рекою, стоял.
Стоял на слуху я, на страже.
Я многие тысячи их насчитал:
То половцы близятся, княже!»

18

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине — ему не до снов —
Он половцам едет навстречу.

19

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

20

«Откуда летишь ты? поведай-ка нам!»
«Лечу я от города Йорка!
На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из поднебесья зорко:

21

Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,
Как в листьях осенняя вьюга;

22

Копнами валил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась —
Пока, провизжав, не примчалась стрела
И в горло ему не вонзилась.

23

Упал он, почуя предсмертную тьму,
Упал он как пьяный на брашно;
Хотел я спуститься на темя ему,
Но очи глядели так страшно!

24

И долго над местом кружился я тем,
И позднее дождался я ночи,
И сел я варягу Гаральду на шлем
И выклевал грозные очи!»

25

По синему морю клубится туман,
Слетается воронов боле:
«Откуда летишь ты?» — «Я, кровию пьян,
Лечу от Гастингского поля!

26

Не стало у саксов вчера короля,
Лежит меж своих он, убитый,
Пирует норманн, его землю деля,
И мы пировали там сыто!

27

Победно от Йорка шла сакская рать,
Теперь они смиренны и тихи,
И труп их Гаральда не могут сыскать
Меж трупов бродящие мнихи.

28

Но сметил я место, где наземь он пал,
И битва когда отшумела,
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело;

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови —
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!»

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вóроны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

«Откуда летишь ты?» — «Из русской
земли!

Я был на пиру в Заднепровье;
Там все Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двуручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;

Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою;

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль Богу, скача, помолился;

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли,
А я полетел, неудачу кляня,
Туда, где другие лежали».

Поют во Софийском соборе попы,
По князе идет панихида,
Рыдает княгиня средь плача толпы,
Рыдает Гаральдовна Гида,

И с ними другого Гаральда вдова
Рыдает, стена, Ярославна,
Рыдает: «О, горе! зачем я жива,
Коль сгинул Гаральд мой
державный!»

И Гида рыдает: «О, горе! убит
Отец мой, норманном сраженный!
В плену его веси, и взяты на щит
Саксонские девы и жены!»

Княгиня рыдает: «О князь Изяслав!
В неравном посечен ты споре!
Победы обычной в бою не стяжав,
Погиб ты, о, горе, о, горе!»

Печерские иноки, выстроаясь в ряд,
Протяжно поют: аллилуйя!
А братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Усобицу близкую чуя...

Февраль — март 1869 г.

1

Сидит у царя водяного Садко
И с думою смотрит печальной,
Как моря пучина над ним высоко
Синеет сквозь терем хрустальный.

2

Там ходят как тени над ним корабли,
Товарищи там его ищут,
Там берег остался цветущей земли,
Там птицы порхают и свищут;

3

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снятков серебристая стая;

4

Куда он ни взглянет, все синяя гладь,
Все воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гусях играть
Царю водяному в угоду.

5

А царь, улыбаясь, ему говорит:
«Садко, мое милое чадо,
Поведай, зачем так печален твой вид?
Скажи мне, чего тебе надо?»

6

Кутья ли с шафраном моя не вкусна?
Блины с инбирем не жирны ли?
Аль в чем неприветна царица-жена?
Аль дочери чем досадили?

7

Смотри, как алмазы здесь ярко горят,
Как много здесь яхонтов алых!
Сокровищ ты столько нашел бы навряд
В хваленых софийских подвалах!»

8

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Я много доволен твоею женой,
И мне от царевен не худо;

9

Вкусны и кутья, и блины с инбирем,
Одно, государь, мне обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругом,
Сухого местечка ни видно!

10

Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы?
Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!
Прилечь хоть на ворох соломы!

11

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги!

12

Давно так не видно мне Божьего дня,
Мне запаху здесь только тина;
Хоть дегтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина!

13

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!

14

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!

15

Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись,
теперь
Синеет в лесу медуница!

16

Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березой душистою пахнет —
И сердце во мне, лишь подумаю о том,
С тоски изнывает и чахнет!»

17

«Садко, мое чадо, городишь ты вздор!
Земля нестерпима от зною!
Я в этом сошлюся на целый мой двор,
Всегда он согласен со мною!

18

Мой терем есть моря великого пуп;
Твой жеребий, стало быть, светел;
А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил!

19

Ты в думе пригоден моей заседать,
Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!»

20

«Ты гой еси, царь-государь водяной!
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостойн морской,
Уж очень к земле я привязан;

21

Бывало, не все там норовилось мне,
Не по сердцу было иное;
С тех пор же, как я очутился на дне,
Мне все стало мило земное;

22

Припомнился пес мне, и грязен и хил,
В репья и в сору извалялся;
На пир я в ту пору на званый спешил,
А он мне под ноги попался;

23

Брюзгливо взглянув, я его отогнал, —
Ногой оттолкнул его гордо —
Вот этого пса я б теперь целовал
И в темя, и в очи, и в морду!»

24

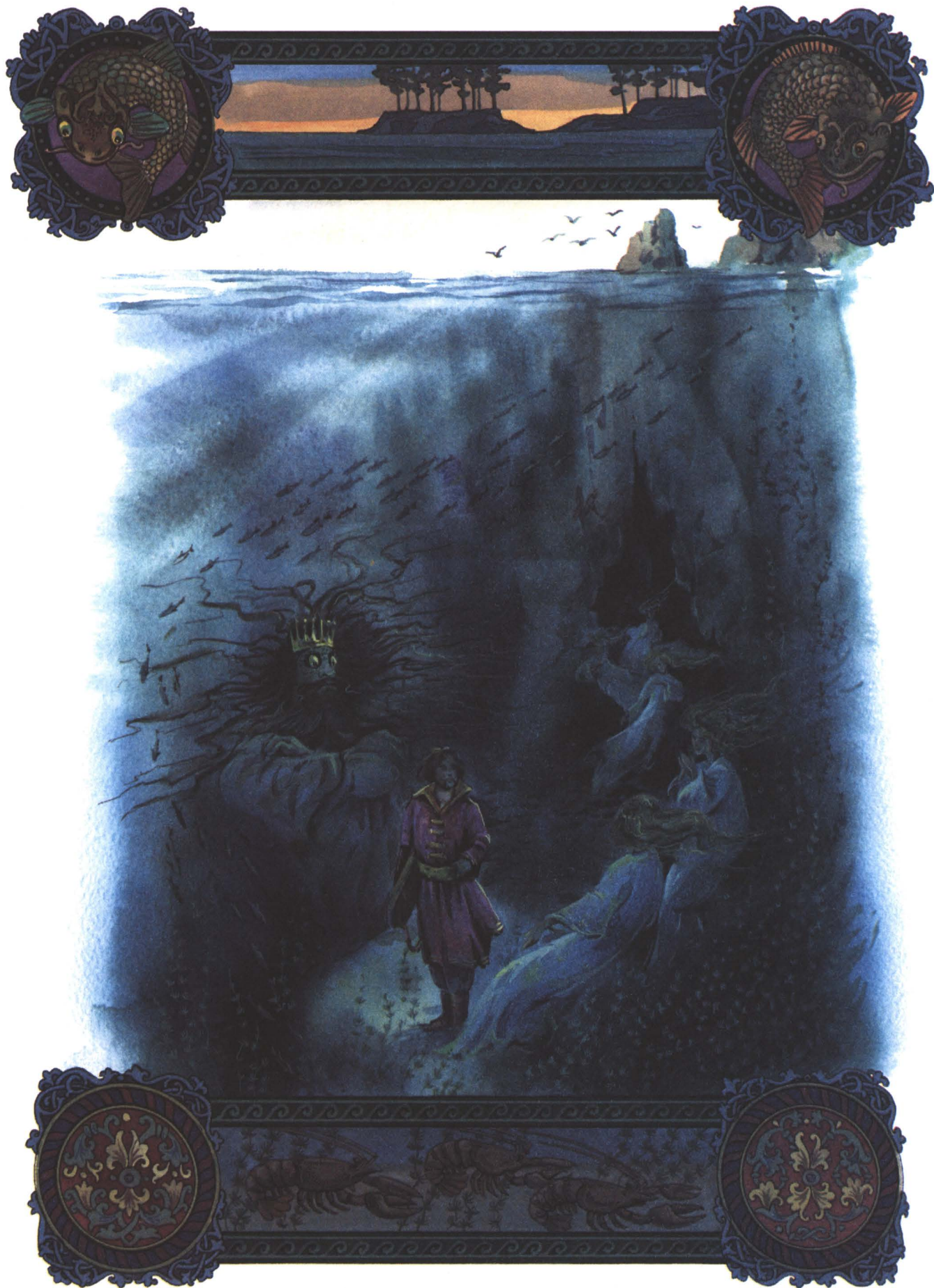
«Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня?
Зачем тебе грязного пса целовать?
На то мои дочки пригодней!

25

Воистину, чем бы ты им не жених?
Я вижу, хоть в ус и не дую,
Пошла за тебя бы любая из них,
Бери ж себе в жены любую!»

26

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Боюсь, от брака с такою женой
Не вышло б душе моей худо!

27

Не спорю, они у тебя хороши
И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
Нам было б сожительство трудно!

28

Я тем не порочу твоих дочерей,
Но я бы не то что люблю,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
На первую девку рябую!»

29

«Садко, мое чадо, уж очень ты груб,
Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я!

30

Но печени как-то сегодня свежо,
Веселье в утробе я чую:
О свадьбе твоей потолкуем ужю,
Теперь же сыграй плясовую!»

31

Ударил Садко по струнам трепака,
Сам к черту шлет царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
Готовится, дрыгая, в пляску;

32

Сперва лишь на месте поводит усом,
Щетинистой бровью кивает,
Но вот запыхтел и надулся, как сом,
Все боле его разбирает;

33

Похаживать начал, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
Так все затряслись половицы.

34

«Ну, — мыслит Садко, — я тебя заморю!»
С досады быстрее он играет,
Но, как ни частит, водяному царю
Все более сил прибывает:

35

Пустился навыверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядеть индо страшно, ей-богу!

36

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пищат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами оба пол.

37

То, выпята грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломают коленца и взад и вперед.
Валяет загребом и скоком;

38

И все веселей и привольней ему,
Коленца выходят все круче —
Темнее становится все в терему,
Над морем собираются тучи...

39

Но шибче играет Садко, осерча,
Сжав зубы и брови нахмуря,
Он злится, он дергает струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40

Вот дальними грянул раскатами гром,
Сверкнуло в пучинном просторе,
И огненным светом зардела кругом
Глубокая празелень моря.

41

Вот крики слышались там высоко:
То гибнут пловцы с кораблями —
Отчаянней бьет пятернями Садко,
Царь бешеной месит ногами;

42

Вприсядку понес его черт ходуном,
Он фыркает, пышет и дует:
Гремит плясовая, колеблется дом,
И море ревет и бушует...

43

И вот пузыри от подстенья пошли,
Садко уже видит сквозь стены:
Разбитые ко дну летят корабли,
Крутятся средь ила и пены;

44

Он видит: моряк не один потонул,
В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул —
И, лопнув, они завизжали.

45

Споткнувшись, на месте стал царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
«Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

46

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз когда я распясался!
Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

47

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музыки?
Аль ты, неумытый, плясать в сухопляс
Велишь мне, царю и владыке?»

48

И плесом чешуйным в потылицу царь
Хватил его, ярости полный,
И вот завертелся Садко как кубарь.
И вверх понесли его волны...

49

Сидит в Новеграде Садко невредим,
С ним вящие все уличане;
На скатерти бранной шипит перед ним
Вино в венецейском стакане;

50

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
И старых посадников двое,
И с ними кончанские старосты пьют
Здоровье Садку круговое.

51

«Поведай, Садко, уходил ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Где бросил свои расшивные суда?
И без вести где пропадал ты?»

52

Поет и на гусях играет Садко,
Поет про царя водяного:
Как было там жить у него нелегко
И как уж он пляшет здорово;

53

Поет про поход без утайки про свой,
Какая чему была чередь, —
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.

Ноябрь 1871 г. — март 1872 г.

Поморское сказание

1

К делу церкви сердцем рьяный,
Папа шлет в Роскильду слово
И поход на бодричаны
Проповедует крестовый:

2

«Встаньте! Вас теснят не в меру
Те язычники лихие,
Подымайте стяг за веру, —
Отпускаю вам грехи я.

3

Генрик Лев на бой великий
Уж поднялся, мною званный,
Он идет от Бронзовика
Грянуть с тылу в бодричаны.

4

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет, —
Будут в царствии небесном».

5

И лишь зов проникнул в дони,
Первый встал епископ Эрик;
С ним монахи, вздевши брони,
Собираются на берег.

6

Дале Свен пришел, сын Нилса,
В шишаке своем крылатом;
С ним же вместе ополчился
Викинг Кнут, сверкая золотом;

7

Оба царственного рода,
За престол тягались оба,
Но для славного похода
Прервана меж ними злоба.

8

И, как птиц приморских стая,
Много панцирного люду,
И грохоча и блистая,
К ним примкнулось отовсюду.

9

Все струги, построясь рядом,
Покидают вместе берег,
И, окинув силу взглядом,
Говорит епископ Эрик:

10

«С нами Бог! Склонил к нам Папа
Преподобного Егорья, —
Разгромим теперь с нахрапа
Все славянское поморье!»

11

Свен же молвит: «В бранном споре
Не боюсь никого я,
Лишь бы только в синем море
Нам не встретить Боривоя».

12

Но, смеясь, с кормы высокой
Молвит Кнут: «Нам нет препоны:
Боривой теперь далёко
Бьется с немцем у Арконы!»

13

И в веселии все трое,
С ними грозная дружина,
Все плывут в могучем строе
К башням города Волына.

14

Вдруг, поднявшись над кормою,
Говорит им Свен, сын Нилса:
«Не сдалось: над той скалою
Словно лес зашевелился».

15

Кнут, взглядевшись, отвечает:
«Нет, не лес то шевелится, —
Щёгол множество кивает,
О косицу бьет косица».

16

Встал епископ торопливо,
С удивлением во взоре:
«Что мне чудится за диво:
Кони ржут на синем море!»

17

Но епископу в смятенье
Отвечает бледный инок:
«То не ржанье, — то гуденье
Боривоевых волынок».

18

И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя.

19

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита,

20

Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волюнки боевые.

21

И, начальным правя дубом,
Сам в чешуйчатой рубахе,
Боривой кивает чубом:
«Добрый день, отцы монахи!»

22

Я вернулся из Арконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Под стенами уж не веют.

23

В клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долг мы немцам
И пришли теперь отхлопать
Вас по бритым по гуменцам!»

24

И под всеми парусами
Он ударил им навстречу:
Сшиблись вдруг ладьи с ладьями —
И пошла меж ними сеча.

25

То взлетая над волнами,
То спускаясь в пучины,
Бок о бок сцепясь баграми,
С криком режутся дружины;

26

Брызжут искры, кровь струится,
Треск и вопль в бою сомкнутом,
До заката битва длится, —
Не сдаются Свен со Кнутом.

27

Но напрасны их усилия:
От ударов тяжкой стали
Позолоченные крылья
С шлема Свена уж упали;

28

Пронзена в жестоком споре
Кнута крепкая кольчуга,
И бросается он в море
С опрокинутого струга;

29

А епископ Эрик, в схватке
Над собой погибель чуя,
Перепрыгнул без оглядки
Из своей ладьи в чужую;

30

Голосит: «Не пожалею
На икону ничего я,
Лишь в Роскильду поскорее
Мне б уйти от Боривоя!»

31

И гребцы во страхе тоже,
Силу рук своих удвоя,
Голосят: «Спаси нас, Боже,
Защити от Боривоя!»

32

«Утекай, клобучье племя! —
Боривой кричит вдогоню, —
Вам вздохнуть не давши время.
Скоро сам я буду в дони!»

33

К вам средь моря иль средь суши
Проложу себе дорогу
И заране ваши души
Обрекаю Чернобогу!»

34

Худо доням вышло, худо
В этой битве знаменитой;
В этот день морские чуда
Нажрались их трупов сыто,

35

И ладей в своем просторе
Опрокинутых немало
Почервоневшее море
Вверх полозьями качало.

36

Генрик Лев, идущий смело
На Волын к потехе ратной,
Услыхав про это дело,
В Брунзовик пошел обратно.

37

И от бодричей до Ретры,
От Осны до Дубовика,
Всюду весть разносят ветры
О победе той великой.

38

Шумом полн Волын веселым,
Вкруг Перуновой божницы
Хороводным ходят колом
Дев поморских вереницы;

39

А в Роскильдовском соборе
Собираются монахи,
Восклицают: «Горе, горе!»
И молебны служат в страхе,

40

И епископ с клирной силой,
На коленях в церкви стоя,
Молит: «Боже, нас помилуй!
Защити от Боривоя!»

Лето 1870 г

1

Князь выехал рано средь гридней своих
В сыр-бор полеванья изведать;
Гонял он и вепрей, и туров гнедых,
Но время доспело, звон рога утих,
Пора отдыхать и обедать.

2

В логу они свежем под дубом сидят
И брашна примаются рушать;
И князь говорит: «Мне отрадно звучат
Ковши и братины, но песню бы рад
Я в зелени этой послушать!»

3

И отрок озвался: «За речкою там
Убогий мне песенник ведом;
Он слеп, но горазд ударять по струнам»;
И князь говорит: «Отыщи его нам,
Пусть тешит он нас за обедом!»

4

Ловцы отдохнули, братины допив,
Сидеть им без дела не любо,
Поехали дале, про песню забыв, —
Гусляр между тем на княжой на призыв
Бредет ко знакомому дубу.

5

Он щупает посохом корни дерев,
Плетется один чрез дубраву,
Но в сердце звучит вдохновенный напев,
И дум благодатных уж зреет посев,
Слагается песня на славу.

6

Пришел он на место: лишь дятел стучит,
Лишь в листьях стрекочет сорока —
Но в сторону ту, где, не видя, он мнит,
Что с гриднями князь в ожиданье сидит,
Старик поклонился глубоко:

7

«Хвала тебе, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вам!
Начать песнопенье готов я стою —
О чем же я, старый и бедный, спою
Пред сонмищем сим величавым?»

8

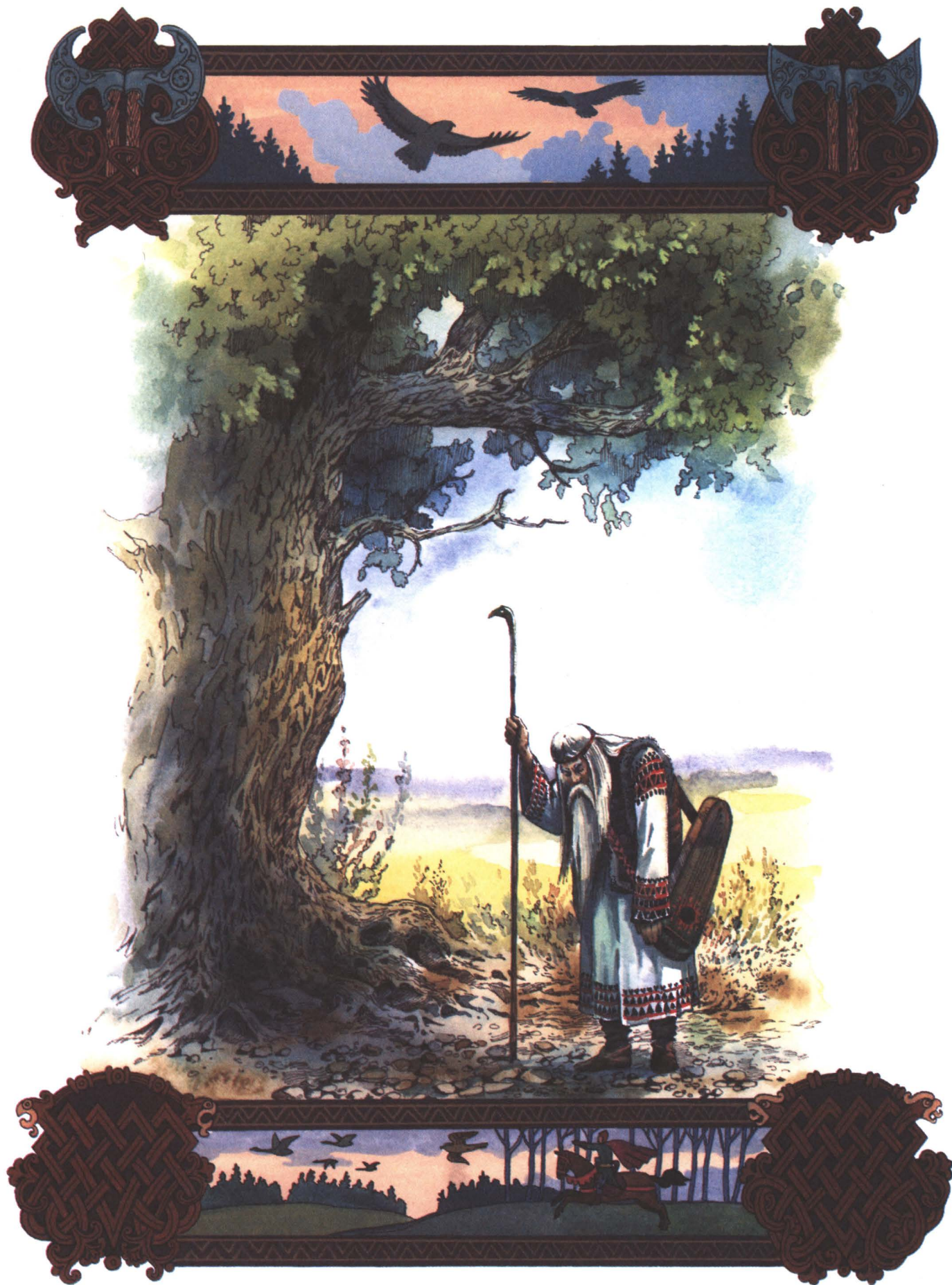
Что в вешем сказалося сердце моем,
То выразить речью возьмусь ли?»
Пождал — и, не слыша ни слова кругом,
Садится на кочку, поросшую мхом,
Персты возлагает на гусли.

9

И струн переливы в лесу потекли,
И песня в глуши зазвучала...
Все мира явленья вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цветных камней начала.

10

Что в недрах подземия блеск свой таят,
И чудища в море глубоком,
И в темном бору заколдованный клад,
И витязей бой, и сверканье лат —
Всё видит духовным он оком.

11

И подвиги славит минувших он дней,
 И всё, что достойно, венчает:
 И доблесть народов, и правду князей —
 И милость могучих он в песне своей
 На малых людей призывает.

12

Привет полоненному шлет он рабу,
 Укор градоимцам суровым,
 Насилье ж над слабым, с гордыней на лбу,
 К позорному он пригвозждает столбу
 Грозящим пророческим словом.

13

Обильно растёт его мысли зерно,
 Как в поле ячмень золотистый;
 Проснулось, что в сердце дремало давно —
 Что было от лет и от скорбей темно,
 Воскресло прекрасно и чисто.

14

И лик озарен его тем же огнем,
 Как в годы борьбы и надежды,
 Явилась власть на челе поднятом,
 И кажутся царской хламидой на нем
 Лохмотья раздранной одежды.

15

Не пелось ему ещё так никогда,
 В таком расцветанье богатом
 Ещё не сплеталась дум череда —
 Но вот уж вечерняя в небе звезда
 Зажглася над алым закатом.

16

К исходу торжественный клонится лад,
 И к небу незрячие взоры
 Возвел он, и, духом могучим объят,
 Он песнь завершил — под перстами звучат
 Последние струн переборы.

17

Но мертвою он тишиной окружен,
 Безмолвье пустынного лога
 Порой прерывает лишь горлицы стон,
 Да слышны сквозь гуслей смолкающий звон
 Призывы далекого рога.

18

На диво ему, что собранье молчит,
 Поник головою он думной —
 И вот закачались ветви раkit,
 И тихо дубрава ему говорит:
 «Ты гой еси, дед неразумный!

19

Сидишь одинок ты, обманутый дед,
 На месте ты пел опустелом!
 Допиты братины, окончен обед,
 Под дубом души человеческой нет,
 Разъехались гости за делом!

20

Они средь моей, средь зеленой красы
 Порскают, свой лов продолжая;
 Ты слышишь, как, в след утыкая носы,
 По зверю вдали заливаются псы,
 Как трубят охота княжая!

21

Ко сбору ты, старый, прийти опоздал,
 Ждать некогда было боярам,
 Ты песней награды себе не стяжал,
 Ничьих за нее не услышишь похвал,
 Трудился, убогий, ты даром!»

22

«Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
 Сдается, ты правду сказала!
 Я пел одинок, но тужить и роптать
 Мне, старому, было б грешно и нестать —
 Наград мое сердце не ждало!

23

Воистину, если б очей моих ночь
Безлюдья от них и не скрыла,
Я песни б не мог и тогда перемочь,
Не мог от себя отогнать бы я прочь,
Что́ душу мою охватило!

24

Пусть по следу псы, заливаясь, бегут,
Пусть ловлею князь доволен!
Убогому петь не тяжелый был труд,
А песня ему не в хвалу и не в суд,
Зане он над нею не волен!

25

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце приветна, как буря грозна,
Как лютая смерть необорна!

26

Охваченный ею не может молчать,
Он раб ему чуждого духа,
Вожглась ему в грудь вдохновенья
печать,
Неволей иль волей он должен вещать,
Что́ слышит подвластное ухо!

27

Не ведает горный источник, когда
Потоком он в степи стремится,
И бьет и кипит его, пенясь, вода,
Придут ли к нему пастухи и стада
Струями его освежиться!

28

Я мнил: эти гусли для князя звучат,
Но песня, по мере как пелась,
Невидимо свой расширяла охват,
И вольный лился без различия лад
Для всех, кому слушать хотелось!

29

И кто меня слушал, привет мой тому!
Земле-государыне слава!
Ручью, что ко слову журчал моему!
Вам, звездам, мерцавшим сквозь
синюю тьму!
Тебе, мать сырая дубрава!

30

И тем, кто не слушал, мой также привет!
Дай Бог полевать им не даром!
Дай князю без горя прожить много лет,
Простому народу без нуды и бед,
Без скорби великим боярам!»

Январь 1873 г.

Примечания

КУРГАН

Курган — высокая насыпь над древней могилой. Самые древние курганы датируются 3-4 тысячелетиями до нашей эры.

Витязь — так в Древней Руси называли храброго воина, богатыря.

Тризна — часть погребального обряда у древних славян, часто сопровождавшегося жертвоприношениями, военными играми, пирами, песнями.

Жрецы ему разом заклали всех жен — согласно древним языческим обычаям, священнослужитель, совершающий жертвоприношения богам, в знак высокого положения умершего приносил в жертву — отдавал на заклатие — и его близких.

В АЛЬБОМ

Эфир — высь, воздушное пространство.

Сильфида — в кельтской и германской мифологии легкое подвижное существо в образе женщины, являющееся олицетворением стихии воздуха.

Бард — певец-поэт у древних кельтов, воспевающий героев и их воинские подвиги.

Денница — устаревшее название утренней зари.

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Тема стихотворения навеяна отрывком из «Слова о полку Игореве». После поражения перяславльского князя Ростислава, нанесенного ему и братьям половцами, Ростислав, спасаясь бегством, утонул в реке Стугне.

...Уношу князю Ростиславу затвори Днепр темне березе... — юношу князя Ростислава скрыло на дне у темного берега («Слово о полку Игореве», перевод О. Творогова)

Посвист — в славянской мифологии бог ветра, бури.

Перун — в славянской мифологии бог грозы. Он же покровитель князя и дружины.

Сонм — множество, большое количество.

Гридни — в Древней Руси так называли младшую дружину князя, его слуг и телохранителей.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец — один из героев русских былин XII—XIII веков.

Под броней с простым набором — на Илье Муромце надета кольчуга, укрепленная металлическими пластинами.

Чубарый — масть лошади; обычно это темные пятна по светлой шерсти.

Булава — старинное оружие в виде тяжелой каменной или металлической головки на рукояти длиной около 0,5—0,6 м.

Царьград — древнерусское название Константинополя, столицы Византийской империи (теперь Стамбул в Турции).

Курения — благовония.

Скриня — сундук, ларь, короб.

НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

В стихотворении описана осада Троице-Сергиевой лавры войсками Сапег и Лисовского во время польской интервенции. Ее целью было возведение на престол Лжедмитрия I. Шестнадцать месяцев длилась осада, но защитники обители не столько оружием, сколько заступничеством святых покровителей выдержали ее, и поляки вынуждены были снять осаду.

Покров — праздник Пресвятой Богородицы, отмечаемый христианами 14 октября.

Волохи — валахи, народность, вошедшая в состав румынской нации.

Угры — венгры.

Стихарь — одежда, надевавшаяся священниками при богослужении.

Тафья — маленькая круглая шапочка.

Оклад — металлическое покрытие на иконе.

РУГЕВИТ

Ругевит — бог войны у руян (ругичан), одного из племен балтийских славян, жившего на острове Рюгене. В стихотворении описан разгром храма Ругевита в столице руян Коренице датским королем Вальдемаром I в 1168 году.

Дони — датчане.

ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

Норвежский король Гаральд царствовал с 1047 до 1066 года. В 1045 году он женился на дочери русского князя Ярослава Мудрого.

Мессина — город и порт в Италии, на острове Сицилия.

Пирей — город и порт в Греции.

Понт — черноморское побережье Малой Азии.

Вещий скальд — древнескандинавский поэт-певец, обладающий способностью предсказывать события.

Вено — у древних славян выкуп за невесту или приданое.

САДКО

Садко — гусляр и певец, герой новгородской былины.

Снеток — мелкая промысловая озерная рыба.

Кутья — кушанье из риса или другой крупы с медом или изюмом, которую едят на поминках.

В хваленых софийских подвалах — имеется в виду Софийский собор в Новгороде.

Курной овин — помещение, отапливаемое печью без трубы; в нем сушатся снопы убранных зерна перед молотбой.

Трепак — старинный русский танец, исполняемый в быстром темпе.

Плесом чешуйным в потылицу царь хватил его... — в гневе, оттого что Садко порвал струны, и он, морской царь, не может больше плясать, гусляр получил подзатыльник.

Вящие улицы — богатые, знатные жители улиц Новгорода.

Венецейский — венецианский.

Посадник — правитель Новгорода, избираемый на вече из знатных бояр.

Тысяцкий — ближайший помощник посадника, военный предводитель городского ополчения.

Кончанский староста — древний Новгород делился на районы, по-старому «концы». Во главе каждого конца стоял староста, управлявший делами района.

Чудская Емь — финское племя, с которым многократно воевал Новгород.

ТРИ ПОБОИЩА

Норский — норвежский.

Саксы, варяги, франки, норманны — племена, в древности жившие на территории Западной Европы.

Червонный — алый, красный.

Ярославна — дочь Ярослава Мудрого, Елизавета.

Гида — дочь английского короля Гаральда, жена русского князя Владимира Мономаха.

Бармица — часть парадной одежды в виде широкого оплечья с нашитыми на нем драгоценными камнями.

Вильгельм — герцог Нормандии, будущий английский король, прославившийся как Вильгельм Завоеватель.

На слуху я — на сторожевой башне.

Брашно — еда на блюде.

Мних — монах.

Святому Георгию подобен — имеется в виду христианский святой Георгий Победоносец, покровитель воинов.

Панихида — христианская церковная служба по умершему.

Весь — название небольшого сельского поселения у древних славян.

На щит — взять в плен.

Печерские иноки — монахи Киево-Печерской Лавры, мужского монастыря в Киеве.

Аллилуйя — в христианском богослужении припев церковного песнопения, восхваляющий Бога.

БОРИВОЙ

В стихотворении рассказывается о крестовом походе на балтийских славян, предпринятый в 1147 году немецкими князьями и датскими королями.

Роскільда — датский город, с X века — резиденция королей и епископов.

Бодричәне, или бодричи, — группа балтийских славянских племен.

Шишак — древнерусский, железный, вытянутый вверх шлем с наушниками и наносником.

Панцирный люд — воины в железных доспехах.

Струг — парусно-гребное, плоскодонное деревянное судно с отвесными бортами. Применялось в России для плавания по рекам в XI—XVIII вв.

Егорий — святой Георгий Победоносец.

Аркона — крепость и священный город на севере острова Рюгена, религиозный центр балтийских славян. Здесь был храм их главного божества Святовита.

Щёгла — мачта, шест для флага.

Косица — суженный конец выпелы.

Лопать — ветхая одежда.

Гумёнце — бритое темя, тонзура, — признак католического духовенства.

Клобучье племя — монахи (клобук — высокая шапка монахов).

Чернобог — антипод Святовита, бог зла.

Молебен — в христианстве молитвенное — благодарственное или просительное — обращение к Богу, Богородице и святым во время церковного богослужения.

Кли́рный — от слова клир, означающее духовенство.

СЛЕПОЙ

Полевање — охота.

Рүшати — делить, разрезать.

Перст — палец.

Отрок — здесь: младший княжеский дружинник на Руси X—XII веков.

Хламьда — широкая и длинная одежда. Верхняя мужская одежда древних римлян и греков.

Порскать — во время охоты натравливание гончих собак на зверя.

СОДЕРЖАНИЕ

Курган.....	2
В альбом.....	4
Князь Ростислав.....	6
Илья Муромец.....	8
Ночь перед приступом.....	10
Ругевит.....	12
Песня о Гаральде и Ярославне.....	16
Три побоища.....	20
Садко.....	26
Боривой.....	34
Слепой.....	40
Примечания.....	46

Алексей Константинович Толстой

БАЛЛАДЫ

Для детей старшего школьного возраста
Художник Михаил Анатольевич Иванов

Романтика военных подвигов всегда волновала поэтов. В балладах А.К. Толстого отражены события русской и европейской военной истории. Судьба родной земли, готовность к самопожертвованию во имя любви к ней — тема романтических произведений великого поэта.

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Ответственный редактор С. Карпачева
Редактор Л. Жукова
Корректор О. Ситникова
Сканирование: А. Белев
Компьютерная верстка: Т. Моисеева

ISBN 5-7793-0795-4

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2

Тел.: (095) 916-55-95, 176-91-09

288-75-36, (812) 265-40-65

Факс (095) 176-68-09

E-mail: belygorod@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращаться по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел. (095) 916-55-95

Отпечатано
в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2
Дата подписания в печать 20.05.2004 г.
Гарнитура AcademyC, IzhitsaC, SchoolBookC
Печать офсет; формат 84 х 108, 1/16
Тираж 5000 экз.
Заказ Э-403

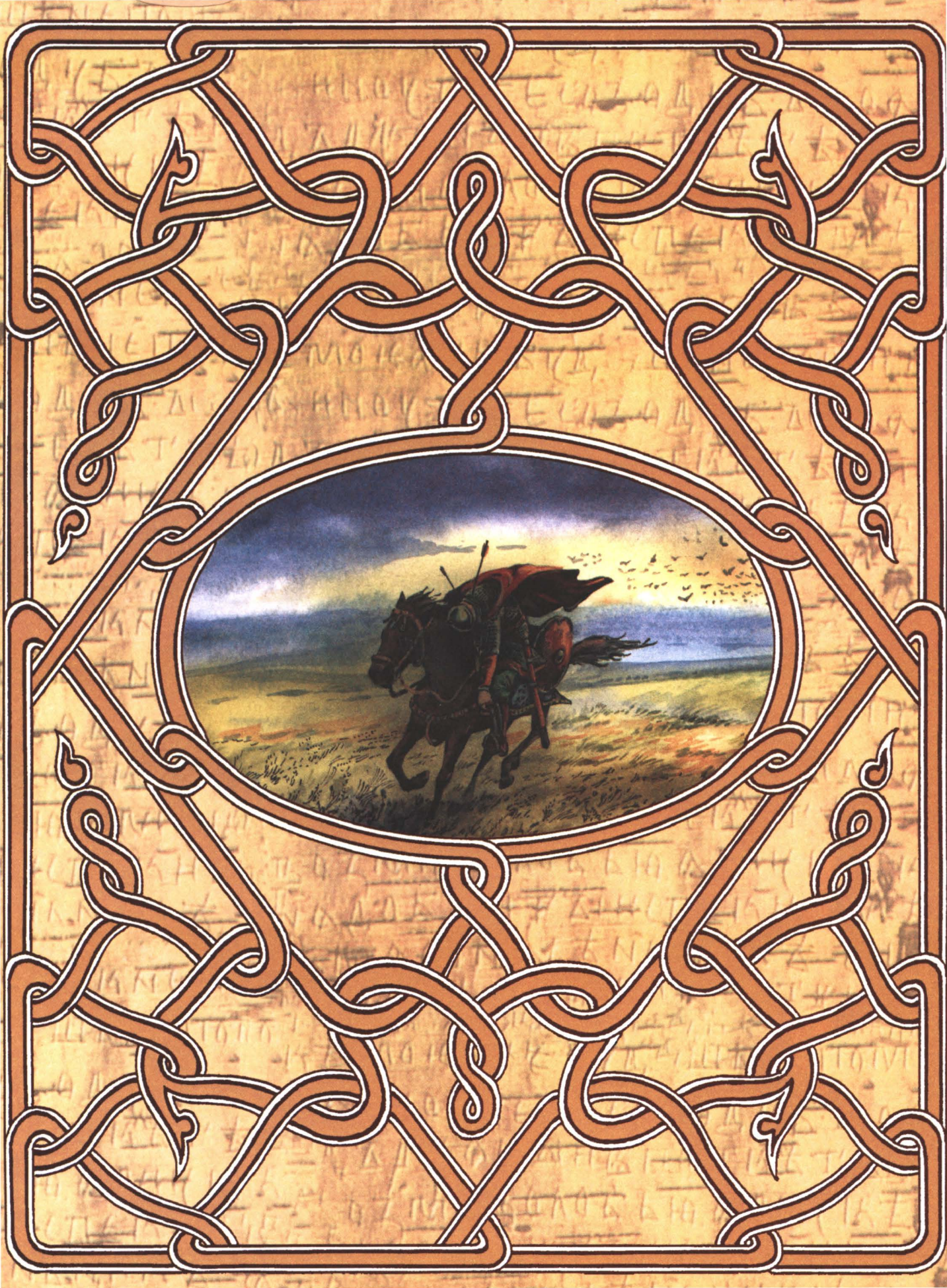
Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

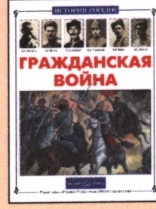

ИСТОРИЯ РОССИИ

Серия «История России» — единственная в своем роде серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем весь уникальный мир русской истории.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает уже более 60 книг. Интересный текст и хорошее иллюстрирование сделали ее очень популярной. Тираж серии в 2003 году достиг 1 000 000 экземпляров! Мы благодарим наших читателей за поддержку. Приятного Вам чтения!

А также:

Александр I
Благословенный
Александр II Освободитель
Александр III Миротворец
Александр Невский
А.С. Пушкин
Антарктида
Боги древних славян
Борис и Глеб
Век переворотов
и фаворитов
Великие князья
Великие полотна
Владимир Мономах
Война 1812 года
Георгиевские кавалеры
Герои русской истории
Города России
XX век
Деревянное зодчество
Руси

Древняя Русь
Дуэли
Екатерина Великая
Иван Грозный
Илья Муромец
История Москвы
Клады и сокровища
Крещение Руси
Куликовская битва
Король
преступного мира
Легенды Древней Руси
Легенды русских
монастырей
Литература Древней Руси
Ломоносов
Московские святые
Московские тайны
Народный календарь
Народные промыслы
Николай I
Петр I
Предсказатели и пророки
Российский флот
Русские живописцы
Русские колумбы
Русские композиторы

Русские писатели
Русские победы
Русские полководцы
Русско-турецкие войны
Садко
Самозванцы
Святые России
Святослав
Северная столица
Славянская мифология
«Слово о полку Игореве»
Суворов
Цари и императоры
Юрий Долгорукий

Готовятся к выпуску:

Загадки русской души
Московский Кремль
Русская Америка
Русские женщины

ISBN 5-7793-0795-4

9 785779 307956

ИСТОРИЯ РОССИИ В ЛЕТОПИСЯХ, СКАЗАНИЯХ И БЫЛИНАХ

ИСТОРИЯ РОССИИ

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ТОЛСТОЙ

БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДЫ

А.К. ТОЛСТОЙ

БЕЛЫЙ ГОРОД

